

Русская история для первоначального чтения. Сочинение Николая Полевого. Часть третья

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834--1836. Дмитрий Калинин.

Вступит. статья к собр. соч. Н. К. Гея.

Статья и примеч. к первому тому Ю. В. Манна.

Подготовка текста В. Э. Богграда.

М., "Художественная литература", 1976

[OCR Бычков М. Н.](#)

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ. Сочинение Николая Полевого. Часть третья. Москва. В типографии Н. Степанова. 1835. 505. (12).

Третья часть "Русской истории" г. Полевого превзошла все наши ожидания¹. Это уже не просто чтение для детей, это уже книга для всех. Автор оставил, или, лучше сказать, сбился с тона детского рассказчика на тон повествователя, историка. Но, оставивши тон детского рассказчика, который, правду сказать, и в первых двух томах состоял только в одних обращениях к "любезным читателям", он продолжает свое прекрасное сочинение в каком-то общедоступном и всех удовлетворяющем тоне. Его рассказ отличается изящностью и стройностью, представляет собою правильную, симметрически расположенную галерею мастерских картин, проникнут одушевлением, полон мысли и, вместе с этим, отличается такою простотою изложения, что, удовлетворяя самого взыскательного ученого, доступен и для детей и для простолюдинов. Тесные пределы, назначенные себе автором, не только не повредили достоинству его сочинения, но еще были одною из главных причин, способствовавших возвышению этого достоинства. Мы имеем насчет этого свои понятия: мы убеждены, что один из главнейших недостатков "Истории Российского государства" Карамзина заключается в том, что она, объемля собою события, не простиравшиеся даже до избрания Михаила, состоит из *двенадцати*, а не из трех или много-много *четырех* томов. Мы не исключаем из этого недостатка решительно все опыты - и предшествовавшие труду Карамзина и последовавшие за ним. В самом деле, к чему служит слишком подробное изложение событий, эта свалка, этот своз и важных и пустых фактов? Не вредит ли это и общности событий, которые должны врезываться в памяти мастерским изложением и уловляться одним взглядом? Не вредит ли это и смыслу событий, который у историка выражается в идеях? Покажите нам характер исторического лица так, чтобы оно рисовалось в нашем воображении, проходило перед нашими глазами со всеми оттенками своей индивидуальности; уловите идею события и выразите ее не рассуждениями и разглагольствованиями, а изложением события так, чтобы идея сама невольно бросалась, так сказать, в глаза читателя; представьте нам все фазы жизни народа, все ее переходы и изменения, оттените и очертите их: вот долг историка. Для всего этого не нужно многотомных изложений фактов; все это виднее и яснее в сжатом, сосредоточенном рассказе. Разбираемое нами сочинение служит самым лучшим подтверждением справедливости нашего мнения. Оно полно и обширно во всем смысле этого слова; его первая часть даже могла б быть гораздо короче, не к ущербу, а к усугублению своего достоинства. Оно совершенно удовлетворяет те требования, которые мы полагаем в основу достоинства исторического сочинения. Характеры действующих в ней изображены удивительно. По недостатку положительных и фактических сведений, мы не можем ни поверять их с сказаниями летописей, ни ручаться за их историческую верность; но можем смело уверить наших читателей, что эти характеры не образы без лиц, не мертвые тени, а живые создания, которые вы видите перед собою, которые имеют для вас не только смысл и душу, но и тело, но и образ, определенный и типический. В этом отношении мы поспорили бы с почтенным автором только насчет Иоанна IV. Нам кажется, что он не разгадал, или, может быть, не хотел разгадать тайну этого необыкновенного человека. У нас господствует несколько различных мнений насчет Иоанна Грозного: Карамзин представил его каким-то двойником, в одной половине которого мы видим какого-то ангела, святого и безгрешного, а в другой чудовище, изрыгнутое природою, в минуту раздора с самой собою, для пагубы и мучения бедного человечества, и эти две половины сшиты у него, как говорится, белыми нитками. Грозный был